

18+ СЕРГЕЙ ВАРВАРИН

СТУСТКИ СВЕТА

Сергей Варварин

Сгустки света

«Издательские решения»

Варварин С.

Сгустки света / С. Варварин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967035-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Поддавшись секундному порыву, Виктор Колобов присваивает себе находку, от которой следовало бы держаться подальше. Довольно быстро молодому человеку становится ясно, что в будущем опасный предмет способен причинить очень крупные неприятности. Но цепь случайных и неслучайных событий не позволяет ему отыграть ситуацию назад. Избавиться от приобретения оказывается довольно непросто. Клубок проблем затягивается всё туже и приводит Колобова к открытому столкновению с сотрудниками уголовного розыска.

ISBN 978-5-44-967035-9

© Варварин С.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	14
5	21
6	23
7	25
8	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сгустки света

Сергей Варварин

© Сергей Варварин, 2019

ISBN 978-5-4496-7035-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Вера Матвеевна поднялась, как всегда, затемно, хозяйство требовало внимания. Она уже переделала кучу дел и хлопотала во дворе, насыпая курам зерно в эмалированный таз, когда октябрьское солнце выглянуло из-за соседской крыши и осветило двор ярким, не по-осеннему тёплым светом. На завалинку деревянного дома, наблюдая за хозяйкой, запрыгнул огромный рыжий кот и довольно прищурился, подставив усатую морду навстречу солнечным лучам. Звуки проснувшегося города, доносившиеся из-за высокого забора, совсем его не беспокоили. Где-то рядом прогремел маневровый, басовито трубя на всю округу. От резкого звука тепловозного гудка кот нервно встряхнул ушами, но своей позы не изменил: всё-таки во дворе он чувствовал себя в полной безопасности.

Женщина закончила возиться с зерном и, проходя мимо, ласково потрепала кота по загривку. С расположенного неподалёку железнодорожного вокзала до неё донёлся монотонный голос диктора, объявившего о прибытии очередного поезда. Вера Матвеевна, как и все проживающие в округе, знала расписание движения наизусть и на этот голос внимания совсем не обращала. Люди привыкли и к объявлениям диктора, и к стуку колёс проходящих по магистрали составов.

По соседству кипела железнодорожная жизнь: множество подъездных путей вели к различным ремонтным мастерским, депо и прочим сооружениям, которые обеспечивали бесперебойную работу всех местечковых служб Министерства путей сообщения. Маленький посёлок возле вокзала, заложенный больше ста лет назад для проживания рабочих и служащих железной дороги, разросся теперь далеко за пределы станционной территории и дал название целому району в их областном центре неподалёку от Москвы. Именовался он «Магистральным» в честь железнодорожной линии, которая пронизывала его насквозь и соединяла юг центральной России со столицей.

Вера Матвеевна Колобова жила в собственном небольшом домике вместе с двадцатилетним сыном Виктором, который совсем недавно демобилизовался из армии. Всю жизнь она проработала осмотрщицей вагонов в депо и вышла на пенсию пару лет назад. Так получилось, что с мужем они развелись ещё до родов. Витька отца вообще не знал, и поднимать сына на ноги ей пришлось одной. Мать старалась изо всех сил, но денег хватало только на самое необходимое. Времена нынче стояли трудные, а когда в России простой народ жировал?

«Постоянно что-то у нас случается! То революция, то война, то перестройка... Десять лет уж в другой стране живём, а просвета всё не видно!» – любила поворчать Вера Матвеевна.

Впрочем, в рассуждения о политике она не лезла. Для неё гораздо важнее было то, что рядом. Дом, огород, сад. Витька вот из армии вернулся! Пенсионерка надеялась, что парень скоро встанет на ноги, женится, приведёт сюда жену. Глядишь, внуки пойдут!

Радостные мысли сменялись тревожными. Такое случалось в последний год довольно часто, когда она думала о сыне. На Кавказе шла вторая кампания, парень служил там, где было очень горячо. Пенсионерка переживала за него и провела много бессонных ночей, молясь о том, чтобы он пришёл домой живой. Бог, видимо, услышал мольбы старой женщины. Виктор вернулся из армии даже досрочно. Правда, через госпиталь. Ранение, к счастью, оказалась не опасным для жизни, но материнское сердце наполнялось болью и страданием, когда Вера Матвеевна вспоминала о днях, проведённых в беспокойных ожиданиях. Ей казалось, что случись с Витькой самое страшное, то она просто не сможет жить дальше. Слава богу, для него эта проклятая война уже позади! Пенсионерка не понимала, за что, за чьи интересы там льётся кровь с обеих сторон, и, наверное, как и все матери, хотела скорейшего наступления мира.

Виктор ничего особо про войну не рассказывал, берёт материнские нервы, но она-то видела, что сын стал совсем другим человеком. Из безалаберного весельчака он превратился

в какого-то настороженного молодого волка. Витька как будто всё ещё находился среди чужих недружелюбных гор. Его настроение могло в одну секунду круто поменяться. Казалось бы, только что он смеялся над какой-нибудь шуткой и вот уже ни с того ни с сего чуть ли не кидался на людей без видимой причины. Веру Матвеевну такое поведение очень волновало, она понимала, что нервная система у парня расшатана и ему необходимо время, чтобы заново привыкнуть к гражданской жизни.

А иногда, как это часто случалось раньше, они садились рядышком на диван, он клал на колени матери свою голову, словно и не было в их жизни никакой войны. Неторопливые беседы о том о сём неизбежно приходили к обсуждению темы его будущей профессии. До армии Витька успел закончить железнодорожное ПТУ по обычной рабочей специальности «слесарь подвижного состава», но теперь связывать свою судьбу с железной дорогой, «железкой», передумал. Да и Вера Матвеевна желала сыну другого будущего, как ей представлялось, более светлого. Она предлагала ему устроиться на работу в милицию.

– Государева служба! Уважаемым человеком будешь. И руки не по локоть в мазуте! – говорила она, поглаживая своей огрубевшей ладонью короткостриженные волосы на голове сына.

Виктор, в принципе, тоже склонялся к этому варианту, тем более в армии он служил во внутренних войсках и со спецификой работы правоохранителей был знаком не понаслышке. Ему частенько доводилось участвовать в совместных с милицией операциях на освобождённых от боевиков территориях. Не сказать, что в работе органов внутренних дел ему нравилось абсолютно всё. Например, писанина, которой хватало в милицейской рутине, его раздражала с детства. А ещё он очень недолюбливал то, что связано с соблюдением различных уставов, наставлений по службе и тому подобное. Но если не в милицию, то куда идти? «Крутить гайки в депо», как он сам выражался, Виктор не хотел категорически. В коммерческий ларёк торговать? Это уж вообще не для него. Так что ничего страшного, дисциплина в милиции всё-таки не армейская, приспособится.

Главное, служба в органах открывала доступ к оружию, убийственная красота и могущество которого поразила Колобова во время пребывания на Северном Кавказе. Казалось, что за возможность на законных основаниях ежедневно держать в руках автомат он вытерпит любые неудобства и тяготы. Дело оставалось за малым: сходить в располагающийся на соседней улице Магистральный райотдел милиции и поинтересоваться там насчёт имеющихся вакансий. Мать ждала этого момента и сына не торопила. А Витька что-то тянул и тянул, говоря, что всё-таки никак не может до конца определиться со своим будущим.

2

Часов в девять Вера Матвеевна засобиравалась на рынок купить свежих продуктов и вышла за забор. Неподалёку от её дома двое молодых парней-цыган, лет по семнадцать каждому, что-то шумно обсуждали на своём языке. Разговор шёл на повышенных тонах. Хотя женщина и не понимала ни слова, не оставалось сомнений, что чавелы явно выясняют отношения между собой. Ругань она услышала ещё со двора, а увидела цыган только сейчас, когда оказалась на улице.

Этот народ компактно проживал на окраине Магистрального района в своих кирпичных домах-дворцах. Со временем из больших безвкусных цыганских коробок образовался целый квартал. Мнение окружающих об их образе жизни ромов не интересовало. Они жили по своим законам и мышковали традиционными промыслами: продавали на рынках всякую всячину да приставали на улицах к прохожим с просьбами погадать. Но вот некоторые семьи занимались абсолютно криминальным бизнесом – торговали наркотиками. И хотя вся округа об этом знала, в том числе и милиция, искоренить данную беду никак не получалось. Ромы чувствовали себя эдакими хозяевами жизни, поэтому отношения с местными складывались, мягко говоря, натянуто, если не сказать больше.

Один из парней, явно недовольный ходом разговора, нервно достал сигарету и, словно не замечая Веры Матвеевны, демонстративно бросил пустую пачку на землю. Смятая картонка, описав незамысловатую дугу, упала в палисадник Колобовой, огороженный аккуратным штакетником. Женщина, только что мечтавшая о будущем своего Витьки, совсем не хотела конфликта, но и молча проглотить факт явного неуважения к себе не смогла. Она как можно сдержаннее сделала парню замечание, чтобы он поднял пустую пачку и не мусорил на чужой территории. Но градус разговора цыган был уже поднят на критическую высоту, и Вера Матвеевна невольно стала громоотводом для двух поссорившихся ребят.

– На какой чужой территории? – взорвался один из них, видя, что перед ним всего лишь пожилая женщина. – Чего, бабка, плетёшь? Я что хочу, то и делаю, а ты вообще заткнись!

Ссора, возникшая практически из ничего, стремительно разрасталась. Пенсионерка, совершенно не ожидавшая такой агрессии, попыталась ещё что-то сказать, чтобы вразумить молодых людей, но те, почуяв, что могут вести себя безнаказанно, вошли в раж и поливали женщину отборным матом. Они жили неподалёку и привыкли видеть её в одиночестве, обычно занятую своим хозяйством. О существовании недавно демобилизованного сына эти ребята либо совсем не знали, либо просто забыли.

А сын от криков на улице проснулся. Спал он в зале, окна которого как раз выходили на палисадник. Услышав, что мать кто-то громко оскорбляет, Витька Колобов быстро накинул кое-чего на себя и пулей вылетел наружу. От увиденного он поначалу даже слегка опешил. Слева от него двое цыган прижали мать к палисаднику, размахивая перед её лицом руками и громко вопя. Она беспомощно пыталась прикрыться от нападающих своей авоськой. Через секунду один из парней, который стоял от Витьки дальше, прямо на его глазах пнул пенсионерку ногой, оставив на темной юбке грязный след от своего лакированного ботинка. Женщина пошатнулась, но устояла, из глаз её брызнули слёзы.

И если Виктор, когда бежал на улицу, не представлял себе, что делать, то, увидев, как кто-то беззастенчиво бьёт его мать ногами, уже не колебался ни секунды. Он будто вихрь влетел в гущу событий и с разбегу мощным прямым ударом правой ноги в корпус буквально снёс стоявшего ближе к нему пацана, расчищая себе путь ко второму, стукнувшему Веру Матвеевну.

Словно лёгкая кегля после встречи с тяжёлым шаром на дорожке боулинга, цыган перелетел через невысокий штакетник и уткнулся носом в пожелтевшую клумбу, едва не врезавшись по ходу своего движения в бедную пенсионерку. Витька моментально переключился на основ-

ного обидчика, который, надо отдать ему должное, достаточно быстро сообразил, что к чему. Он развернулся лицом к Колобову и попытался поднять руки на уровень подбородка, стараясь встать в боевую стойку.

Колобов научился неплохо «махаться» ещё во времена своей учёбы в школе. Ярость слепила глаза и добавляла сил. Кровь кипела. Не давая противнику опомниться, он левой рукой схватил того поверх кулаков за воротник кожаной куртки, дёрнул на себя, лишив равновесия, и на встречном курсе нанёс сокрушительный боковой удар правой. Кулак попал в челюсть с характерным чваканьем, пацан потерял ориентацию в пространстве, ноги его на мгновение оторвались от земли, и он рухнул на землю как мешок, набитый картошкой.

Всё было кончено. Тихо матерясь, первый цыган выбрался из палисадника и склонился над болезненно приходящим в себя товарищем.

– Ты сломал ему челюсть! – прошипел он, добавил какие-то ругательства на своём языке, а потом вновь перешёл на русский: – Наши заставят тебя ответить за это!

Ещё не остыв, Виктор опять было бросился в схватку, но на пути встала Вера Матвеевна.

– Прощу тебя, охлонись, хватит! Пошли в дом!

Слова матери подействовали.

Сын обнял плачущую женщину и, обращаясь к поверженным противникам, зло сказал:

– Валите отсюда. Ещё раз увижу – поотрываю головы!

Цыгане с проклятиями поплелись по улице прочь, а Витька только теперь почувствовал острую боль в правой кисти, точнее, в районе первой пястной кости, не обратив внимания на травму в горячке драки. Видимо, атакуя, он немного не повернул кисть, и в лицо соперника удар пришелся не костяшками указательного и среднего пальцев, как это было бы правильно, а косточками указательного и большого. Причём основная нагрузка легла на совершенно занемевший сейчас большой палец. Кисть опухала прямо на глазах, сгибать пальцы стало практически невозможно. Да и где-то в груди уже забытой болью отозвались недавно зажившие ребра, перелом которых он залечивал в госпитале. Виктор ощутил, что ему опять тяжело вдыхать воздух полной грудью.

Подумалось:

«Видимо, рановато мне ещё так напрягаться. Окажись парни покрепче, что я бы смог сделать с такой дышалкой? И рука, вот... Хорошо, что сразу удалось всё решить!»

Дома Вера Матвеевна разочалась над повреждённой кистью сына, достала из холодильника лёд и стала прикладывать его к опухшим пальцам. Виктор терпел, хотя было больно, и вполуха слушал причитания матери. Пенсионерка жаловалась, что, пока сын был в армии, местные цыгане совсем распоясались, особенно молодняк. Что никого не уважают, понавезли сюда наркоты, и теперь отовсюду к ним в район съезжаются разные отбросы за своей дозой. На улицу скоро страшно выходить будет!

Вера Матвеевна опасалась, что после случившегося у сына будут проблемы, так как цыгане, скорее всего, просто так про драку не забудут. По её мнению, сейчас нужно срочно идти в милицию, пока не поздно. Она винила себя, что сделала замечание парням из-за какой-то пустой пачки, в связи с чем на ровном месте вырос такой конфликт.

А сын утешал и жалел мать, ведь он знал, что она точно ни в чём не виновата и не заслужила к себе такого отношения:

– Ладно, мам, ничего страшного. Ну, повздорили немного, они должны же хоть что-то понимать, чего на пожилую женщину наехали? Совсем тут оборзели, никаких берегов не видят. Получили своё, теперь впредь умнее будут!

Но разгорающийся всё сильнее огонёк страха в глазах матери однозначно сигнализировал Витьке, что его слова звучат неубедительно. Кого больше он сейчас успокаивал: мать или себя?

На душе скребли кошки. Пацаны-то были явно моложе, ему в принципе не соперники. А выхлестнул он их «по-взрослому», особенно одного. И хотя парни явно сами накосячили, спросить за них с Виктора могли серьёзно.

«Мама права по большому счёту, – размышлял он. – Скорее всего, второй раунд всё-таки состоится. И стопроцентно он не будет таким лёгким. Сколько их сюда придёт? С чем, с ножами? Наверно, действительно надо идти в милицию. И, кстати, не только по поводу случившегося сегодня. И не только по поводу работы. Давно пора!»

Колобов тревожился за мать, видя, как её колотит нервная дрожь. Разгневанные цыгане вполне могут отыгаться на старой женщине. Да и за дом беспокоился, сожгут ещё из мести! Так что все дороги вели в РОВД. Тем более на повестке давно маячил ещё один вопрос, решение которого он оттягивал всё последнее время, не зная, как к нему подступиться. Теперь тянуть больше нельзя, настало время разрубить этот чёртов узел!

3

– С ноля до четырёх часов в наряд по патрулированию селения заступает сержант Колобов и рядовой Зуев! Старший наряда – сержант Колобов! Сейчас времени двадцать один ноль-ноль, отдыхать! Я в штаб батальона, буду утром! – командир роты внутренних войск закончил разбор событий сегодняшнего дня назначением бойцов по местам несения службы на ближайшую ночь.

– Есть, – отозвался Андрюха Зуев.

– Есть, – ответил Виктор, не испытывая никакой радости оттого, что услышал свою фамилию.

Идти в наряд сегодня ему особенно не хотелось. Солдаты только вернулись в расположение после довольно-таки напряжённой работы. С раннего утра они мотались по горам, и теперь вместо сна придется ночью тащить службу. Но приказ есть приказ, ничего не поделаешь. Уже больше года Виктор находился на Кавказе в так называемой горячей точке. До дембеля ещё шесть месяцев, по его прикидкам дома он окажется где-то к декабрю. Сейчас только начал жарить июнь, и чем дальше, тем медленнее тянулось время.

Село Октябрьское, где базировалась рота, представляло собой довольно крупный посёлок со своим отделением милиции, зданием администрации, рынком, а также магазинами и парочкой кафешек. Федеральная власть обосновалась в этом населённом пункте давно, и на сегодняшний день здесь наблюдалось относительное спокойствие. Жили бойцы в здании местной школы. Окна, на всякий случай заложенные мешками с песком, и толстые стены давали ощущение безопасности. Во дворе замер бэтээр, на чердаке солдаты обустроили несколько огневых точек, оштетинившихся пулемётами. Вокруг расположения на постоянной основе выставлялось четыре наряда, называемых заслонами, в каждом по два человека.

Правопорядок в посёлке охранялся пешими патрулями. Днём на дежурство отправлялось четыре наряда, патрулирование длилось восемь часов. А ночью, чтобы солдаты в темноте случайно не перестреляли друг друга, наряд выделялся всего один, правда, усиленный сотрудниками местной милиции. И смены менялись в два раза чаще, чем днём. Впрочем, как, например, сегодня, обходились и без местных, которые постоянно страдали от нехватки людей.

На въезде в Октябрьское, примерно в километре от школы, из бывшего поста ГАИ был оборудован блокпост, для охраны которого раз в сутки командование выделяло отделение из взводов роты. Перед одноэтажным зданием из красного кирпича, где в советское время сотрудники автоинспекции несли свою службу, нынче в шахматном порядке стояли бетонные блоки, заставляющие водителей сбрасывать скорость и не позволяющие транспорту без задержек прошмыгнуть мимо. Дорогу перекрывал символический шлагбаум, возле которого притулилась бетонная будка с дежурившими в ней двумя-тремя бойцами. В их обязанности входил круглосуточный досмотр въезжающих в селение машин и проверка документов у водителей и пассажиров. Основные силы отделения контролировали процесс досмотра из окон здания поста.

В Октябрьском уже давно не случалось серьезных происшествий. Иногда граждане нарушали запрет появляться на улице в комендантский час, но подобные вопросы всегда решались мирно. Кроме выполнения задач по обеспечению правопорядка солдат время от времени отправляли по окрестным аулам для задержания разрозненных боевиков и бандитов, если начальству поступала информация о появлении «бородатых» в том или ином месте. Обычно использовалась лишь часть личного состава, а остальные, свободные от нарядов бойцы, отдыхали в здании школы. По сравнению с прошлыми передрыгами, где довелось за последний год побывать Колобову, курорт, конечно. Война заканчивалась, и операции теперь носили характер зачисток, патрулирований, а не прямых боестолкновений.

Но всё-таки нет-нет да происходили из ряда вон выходящие случаи, когда для нейтрализации крупных бандформирований привлекались практически все имеющиеся в роте бойцы. Главными действующими лицами в таких мероприятиях являлись подразделения специального назначения, а солдаты внутренних войск работали у них на подхвате. Вот и сегодня рано утром недобитая банда навела шороху в одном из соседних аулов, захватив его и перебив при этом местную милицию. Отряд боевиков был многочисленным, хорошо вооруженным, и работа по его обезвреживанию предназначалась как раз для спецназа.

Колобов в составе роты внутренних войск тоже участвовал в этом мероприятии. Вэвэшники прикрывали спецам спину, а затем проводили зачистку освобождённого аула. К вечеру солдаты вернулись в Октябрьское сильно усталые в надежде как следует отдохнуть. Но выспаться выпало не всем: кому-то вскоре придётся заступать на ночное патрулирование. И сейчас Виктор собрался хоть немного подремать перед дежурством.

Его напарник Андрей Зуев, коренастый шатен с огромными широкими плечами, ростом в сто семьдесят сантиметров, спать мог только ночью, несмотря на любую усталость. Так уж был устроен его организм. Виктор знал, что, пока он будет отдыхать, Зуев десять раз соберёт-разберёт автомат, всё тщательно подготовит и перепроверит, но своих внимательных зелёных глаз не сомкнёт.

Колобов плюхнулся на свою койку и попросил:

– Андрюх, я полежу чуток, может, засну. Ты разбуди меня перед выходом, хорошо? Чего-то я подустал сегодня, а ещё полночи бродить.

– Без проблем, отдыхай, – ответил Зуев, в душе завидуя товарищу.

Сам он заснуть не сможет однозначно. Отдохнуть не получится, наоборот, только раскиснет от лежания на матрасе. Лучше уж перетерпеть. Пока время есть, можно неспешно подготовиться к дежурству, проверить оружие. Все окружающие отмечали, что Андрей отличался какой-то неторопливостью и основательностью, не характерной для парней их возраста. До армии он несколько лет ходил в качалку, серьёзно занимался бодибилдингом, в результате чего его фигура приобрела практически квадратную форму. Он обладал недюжинной силой, поэтому желающих подшучивать над его медлительностью, как правило, не находилось. Андрюха казался старше своих лет, хотя и попал в армию сразу после окончания школы. Родом он был откуда-то из Сибири, и иногда Колобов размышлял, все ли там такие спокойные и степенные.

В противоположность товарищу сам Витька обладал взрывным темпераментом, был почти на две головы выше, худощавее, намного стремительнее и резче. Чаще всего для принятия решений ему требовались считанные доли секунды. Как только он попал на Кавказ, практически в первых боях на его глазах погибли несколько пацанов, некоторые по собственной глупости. Обычная мальчишеская бравада слетела с него, словно пожелтевшая листва с осенних деревьев при резком дуновении ветра. Трагические события на время выбили почву у него из-под ног, но ему быстро удалось взять себя в руки. Знакомство с Зуевым пришлось как нельзя кстати. Когда именно Колобов разглядел в крепком сибиряке родственную душу, сейчас он уже не помнил. Призывались они примерно в одно время и ладили между собой с самого начала службы, стараясь держаться вместе. А в последнее время и вовсе сдружились. Они будто бы дополняли друг друга. Витька верховодил, а Андрюха работал вторым номером, который, хоть и соглашался с порывами товарища, но личное мнение всегда имел и мог «задним числом», разобравшись в скорострельных поступках Колобова, вставить своё веское слово.

Вот за это слово Витька, которому самому частенько не хватало терпения и опыта для принятия взвешенного решения, очень Зуева ценил. А ещё за надёжность и безотказность. И сам платил Андрюхе той же монетой: никогда не подводил и был готов в любой момент подставить своё плечо.

Лёжа на продавленном матрасе, Колобов думал о доме, матери, пытаясь сбросить напряжение прошедшего дня и задремать. Сознание возвращало его в реальность, не давая расслабиться. Он вспоминал, каким зелёным юнцом попал сюда. Ещё и года не прошло с тех пор, а как он изменился! До армии Витька и автомат-то в руках держал пару раз всего на недельных военных сборах, когда учился в ПТУ. Стреляли они тогда и вовсе однажды. Три патрона, одиночный режим, мишень – грудная фигура. Следующий! Что тут можно почувствовать, кроме звона в ушах?

Здесь же Колобов настрелялся от души, особенно поначалу, когда военные действия носили более интенсивный характер. Убивал ли? Достоверного ответа на этот вопрос он не знал. Такого, чтоб прямо видеть, что попал в кого-то, нет, не было. А там, кто знает... Все стреляли, и он стрелял. Но ощутить, какую силу и власть даёт человеку оружие, Витька сумел сполна.

Случилось это в самые первые месяцы службы. При проведении зачистки их подразделение нарвалось на засаду в предгорном селе. Они приняли бой, сумели вытеснить противника на окраину. Витька в сопровождении такого же ещё не опытного Зуева зашёл в дом, из которого пять минут назад по ним лупил автоматчик, замолчавший после брошенной в оконный проём кем-то гранаты.

Перешагнув через обезображенный труп боевика возле входной двери, они осторожно обследовали помещение. В одной из дальних комнат, чудом не пострадавшей, солдаты нос к носу столкнулись с нестарой ещё женщиной. Она держала на руках маленькую девочку, которая из-за пережитого кошмара даже не плакала, а только хватала ртом воздух, словно задыхалась. От неожиданности Колобов едва не выстрелил. Но за короткую долю секунды он как-то сумел распознать, что реальной опасности нет. В глазах женщины Виктор прочёл целую гамму разных чувств, главными из которых были ненависть и покорность. Точнее, покорность и ненависть. Случись прочитать наоборот, то, возможно, он нажал бы на спусковой крючок. Инстинкт самосохранения, ничего не поделаешь. К счастью, он этого не сделал, и получилось так, как получилось.

Колобов на всю жизнь запомнил выражение глаз женщины. Хозяйка смотрела на направленные на неё автоматы, боясь сказать что-либо, и только крепко прижимала девочку к своей груди. Солдаты тоже молчали. Они, хоть и пришли сюда с целью зачистки, всё равно по неопытности были застигнуты врасплох внезапной встречей и не знали, что им делать дальше.

В зависшей над комнатой тишине Андрюха слегка шевельнул огромными плечами, тяжело переминаясь с ноги на ногу. Женщина испугалась, не понимая намерений военных, чужих, в общем-то, для неё людей. Она с мольбой в голосе что-то заговорила на непонятном языке. Смысл слов парни уловили без труда: она просила сохранить жизнь дочке и себе. Не поворачиваясь к ней спиной, не сговариваясь и не произнеся ни слова, Колобов и Зуев осторожно вышли из комнаты. Они покинули полуразрушенное жилище, ещё раз перешагнув на пороге через тело убитого боевика, может быть, мужа той женщины с девочкой на руках.

4

Банда Юсупова скиталась по горам и пряталась в зелёнке уже который месяц. Люди устали, военными успехами похвастаться не получалось давно. Соответственно, практически прекратилось финансирование, в прежние времена полновесной рекой перетекающее в руки Малика Юсупова от иностранных источников, заинтересованных в его услугах.

До войны Малик жил в крупном предгорном селении со старым советским названием Октябрьское, получившем своё наименование в честь социалистической революции. Он работал механизатором в местном совхозе, к своему тридцатилетию был женат, имел двоих сыновей. Жил небогато, но достойно. Правда, Юсупов всегда считал, что ему уготована лучшая роль, чем возня с тракторами. И дождался своего шанса.

Когда началась первая кампания, Малик воспринял проходящие вокруг события как возможность выбиться в люди. Он без колебаний взял в руки оружие. Отрастил бороду, которую раньше не носил. Сколотил отряд из местных, познакомился с наёмниками-иностранцами, влившимися под его начало. Заимел покровителей, которые щедро оплачивали боевые вылазки по нападению на колонны федеральных войск и другие лихие операции.

Не гнушался отряд Юсупова и прочими специфическими способами заработать, такими как похищения людей, за которых бандиты требовали выкуп у родственников несчастных пленников. Много унесенных жизнью было на их счету и на его, Малика, личном счету тоже. Об убитых им солдатах Малик не переживал: так, иногда приходили мысли, что у них где-то остались матери, жёны. Но ведь ни лично он, ни его братья по оружию этих солдат сюда не звали.

Юсупов поддерживал идею становления молодой независимой республики, поэтому он легко успокаивал себя тем, что делал большое дело, воюя на своей земле с чужаками. Да и федералы особо с местными не церемонились, немало чего здесь разрушили и уничтожили. Так что кровь за кровь. Никаких угрызений совести Малик не испытывал. Численность отряда в лучшие времена доходила до пятисот человек, денег хватало. Сбылась его давнишняя мечта – он стал большим человеком, влиятельным полевым командиром.

По окончании первой войны Малик обосновался в своём родовом доме в Октябрьском. И тут выяснилось, что убивать за деньги представителей федеральной власти и строить независимую республику – это абсолютно разные вещи. Иностранных эмиссаров процветание местного населения совершенно не интересовало. Они по-прежнему готовы были платить хорошие деньги за террор в отношении федералов, но войска ушли, и центральная власть здесь перестала существовать де-факто. Чтобы зарабатывать на привычном уровне и привычным способом, полевым командирам приходилось осуществлять набеги на сёла в соседних республиках, нападая на военнослужащих и государственные органы.

Правительство России быстро поняло, что, пойдя на уступки один раз, страна получает вечный кровотокающий гнойник, грозящий охватить весь Северный Кавказ. Вопрос требовал кардинального решения. И вскоре началась вторая кампания. В республику вновь вошли федеральные войска. Пользуясь тем, что мирное население устало от войны и разрухи, центральная власть в каждом городе и селении начала договариваться с местными о мире. Взамен требовали одно: выдать боевиков, прекратить вооружённое сопротивление и сложить оружие. Кто не совершил тяжких преступлений, попадали под амнистию и спокойно возвращались домой. Не желающих сдаваться фанатиков и отморожков выдавливали в горы и уничтожали. Власти освобождали село за селом, постепенно продвигаясь вглубь территории республики.

Дошло дело и до Октябрьского, которое Юсупов вместе с частью своего отряда превратил в серьёзный укрепленный район. Вторая часть, состоящая преимущественно из иностранцев, оставаться здесь не захотела и постаралась с боем прорваться в Грузию, но этот путь уже был отрезан. Наёмники вернулись и вновь примкнули к Юсупову. О судьбе местного населения

Малик не задумывался. Некоторые сельчане успели до начала боевых действий покинуть свои дома, кто-то предпочёл остаться и вынужденно прятался по подвалам.

Войска взяли село в плотное кольцо и приступили к штурму, который проходил в течение нескольких дней. Территория отвоёвывалась у боевиков метр за метром, для подавления огневых точек федералы не жалели огневых средств, активно работала авиация. Селение очень сильно пострадало в ходе штурма, от многих домов остались лишь руины. Боевики отчаянно сопротивлялись, войска несли серьёзные потери, но через три дня после начала штурма отряд Юсупова был разгромлен. Немалое количество его людей погибло, некоторые сдались в плен. Сам Малик, оставшись с горсткой бойцов, в одну из ночей предпринял отчаянную попытку прорыва в горы, которая, к счастью для него, увенчалась успехом.

В Октябрьском, да и в других местах, заново создавались органы федеральной власти. Работать туда приходили те, кто реально хотел мира и не разделял убеждения Юсупова, всё ещё грезившего продолжением партизанской войны. Всех, кто ушёл под крышу новых властей, кто сдался, Малик считал предателями.

Обстановка в отряде осложнялась с каждым днём. По всем крупным населённым пунктам стояли федеральные части, которые опирались на местные органы управления, сформированные из идейных противников Юсупова. Исчезла возможность спокойно заходить в аулы и сёла для отдыха и пополнения запасов еды. Риск нарваться на засаду возрастал многократно. Спецназ методично обшаривал округу, уклоняться от боёв становилось всё сложнее. Частенько приходилось сталкиваться в перестрелках с теми, кто вчера ещё соблюдал нейтралитет или вообще воевал на одной с Маликом стороне. Отряд забился глубоко в леса, из которых без крайней необходимости боевики не осмеливались и носа высунуть.

Семью, остававшуюся в Октябрьском, Малик давно не видел. О том, чтобы провести своих, он теперь не помышлял. От верного человечка слышал, что дом его остался частично цел и жена с детьми всё ещё живёт там. Но в селе на постоянной основе базировались рота из бригады внутренних войск, работал отдел милиции, сформированный из местных жителей, поэтому соваться туда мог бы только сумасшедший.

В остатках некогда довольно крупного подразделения Юсупова на сегодня оставалось примерно пятьдесят человек. Это те люди, кому посчастливилось вместе с командиром вырваться из окружения при штурме Октябрьского плюс десятка два примкнувших к отряду членов других уже разгромленных вооружённых формирований. Контингент состоял преимущественно из не так давно проживающих в здешних населённых пунктах мужчин, хотя оставались и иностранцы-наёмники. С боеприпасами намечались проблемы, провиант приходилось добывать путем набегов на мелкие деревни, и от этого количество недоброжелателей среди населения постоянно увеличивалось.

Управлять отрядом Юсупову становилось всё труднее: по мере успехов федералов и установления мирной жизни на освобождённых территориях, всё больше людей под его подчинением начинали роптать, задавая очень неудобный вопрос: «Малик, а что дальше?»

Религиозными фанатиками, в отличие от некоторых иностранцев, местные не являлись. Другой Родины они не имели. Все прекрасно видели, к чему всё катится, боевой дух стремительно падал. Многим за их похождения в случае сдачи в плен ничего хорошего не светило, но находились и те, кто сомневался и всё чаще и чаще смотрел в сторону дома. Наёмники один за другим покидали отряд и пытались через соседние государства, в настоящий момент не совсем дружественные России, вернуться домой. А куда бежать им, местным?

Федеральная власть объявила амнистию тем, кто добровольно сложит оружие, и это выбивало почву из-под ног у Юсупова. Он потерял уверенность в своих людях и боялся рано или поздно остаться практически в одиночку. Во время разговоров со своими братьями по оружию Малик внимательно всматривался в лица собеседников. Он пытался определить, способен ли его визави на предательство, не сдастся ли властям при первой же возможности?

Чаще всего во встречных взглядах Юсупов читал сквозящую неуверенность в завтрашнем дне, страх. Люди отводили глаза в сторону, пытаясь скрыть свои чувства, но Малик много повидал на своём веку, и обмануть его, как он считал, мало кому удавалось.

«Что делать?» – ответа на этот вопрос Юсупов не знал.

Раньше, особенно в первую кампанию, Малику казалось, что он делает какое-то большое дело, воюя с регулярной армией. А затем потихоньку пришло понимание, что они стали жертвами чужих шайтанских игрищ, где им отведена роль пешек. Зарубежные покровители подбрасывали денег и обещали всякие блага, но нынче все эти спонсоры куда-то улетучились, связь с кем-либо из них абсолютно отсутствовала.

«И чего я добился? – спрашивал себя Малик. – Куда теперь податься?»

Мысли, приходившие ему в голову, не радовали. Домой нельзя, слишком много «кровников» имелось у него по всей округе. Рассчитывать на прощение не приходилось, он это знал твёрдо. Сдаться федералам и получить лет пятнадцать тюрьмы, а то и пожизненное? Нет уж, спасибо. Как же так вышло, что он из одного из патриотов, воющего за независимость своей республики, скатился до уровня простого наёмного разбойника? А если разбегутся оставшиеся члены отряда, что он будет делать один?

Перспективы вырисовывались нерадужные. Надо как-то выбираться за кордон, а для этого требуются связи, деньги. Ничего серьёзного он не скопил. Всё, что получал от спонсоров, делил между бойцами и тратил на нужды своего подразделения. Какие-то копейки, конечно, оставлял себе. Этого явно не хватит не то что на безбедную жизнь за границей, но даже на первое время. Да и добраться до тайника нынче не представлялось возможным. Деньги Юсупов хранил в своём доме, при бегстве из Октябрьского не до них ему было. И вообще, кто его ждёт за границей? Вот если б ему помогли выехать отсюда и обосноваться в одной из стран, тогда другое дело! Разве такое возможно в нынешних условиях? Суровая реальность пугала полевого командира, но перед рядовыми членами отряда он, как говорится, держал марку, делая вид, что полностью контролирует ситуацию.

Юсупов очень обрадовался, когда в начале лета на связь с ним вышел некто Абу Али с позывным «Ягуар». Это был один из высокопоставленных руководителей «Международной Исламской Бригады», совсем недавно составляющей костяк вооружённых сил республики. Ягуар позвонил по спутниковому телефону и назначил встречу, предупредив, чтобы Юсупов приходил в условленное место неподалёку от нынешней стоянки отряда в одиночку. Малик познакомился с ним года два назад, относился к Али как к покровителю, потому что именно от него к полковому командиру в течение долгого времени непрерывным потоком струился звонкий денежный ручеек. С недавних пор связь прервалась, и Юсупов не имел понятия, где теперь обретается этот влиятельный ваххабит.

Звонок Ягуара воодушевил Малика. Раз Абу Али жив и сам предложил переговорить с глазу на глаз, значит, имеет сказать что-то серьёзное. Война практически окончена, не сегодня так завтра федералы возьмут под свой контроль всю территорию, и тогда – конец всем. Ягуару тоже необходимо отсюда выбираться, поэтому Малик ждал разговора с осторожным оптимизмом, надеясь по его результатам на какие-то для себя перспективы.

В назначенное время они встретились в горном лесу у маленького родника, еле выбивающегося из-под камней на поверхность земли. Мужчины поздоровались и присели рядышком на прогретый солнцем валун. Сопровождающие Абу Али шестеро бойцов расположились чуть в стороне, чтобы не мешать говорящим. Малик поделился последними новостями. Рассказывая об ухудшающейся обстановке, он поглядывал на своего покровителя, стараясь угадать, с чем всё-таки пожаловал гость. Но тот до поры до времени хранил молчание, и, что скрывается за бесстрастной маской на лице собеседника, полевой командир разобрать не мог. Малик очередной раз подумал: кто такой этот Ягуар?

Человек без возраста. Невысокий рост. Типичная арабская внешность, чёрные волосы, выглядывающие из-под накинутой на голову «арафатки». Длинная борода с гладковыбритыми усами. В манере двигаться действительно улавливалось что-то кошачье, созвучное с позывным. Тренированное тело напоминало крепко сжатую пружину, готовую в любой момент распрямиться и нанести удар. Карие глаза источали холод и смотрели внимательно, словно сканировали. Находиться под его взглядом было крайне неприятно. Кто он по национальности, Малик не представлял, а спросить не решался. Уж больно опасным казался этот человек. Общались они всегда на русском. Юсупов отмечал, что Ягуар владеет языком неплохо, а небольшой акцент абсолютно не препятствует пониманию произносимых фраз.

Закончив рассказывать, полевой командир с надеждой ждал, что скажет гость. В конце концов Малик столько каштанов натаскал из огня для этого араба за время их совместной боевой деятельности, что с лихвой доказал свою верность и вполне мог теперь рассчитывать на помощь.

Ягуар выдержал паузу, словно бы ещё сомневался, стоит ли продолжать разговор.

Наконец, он медленно произнёс слова, которые так ждал услышать Малик:

– Настало время уходить отсюда, и я про тебя не забыл. Мы с тобой давно вместе, такой человек, как ты, мне пригодится.

– Спасибо! Скажи когда? Братья ропшут, мне сложно их контролировать!

Юсупов обрадовался, что на него рассчитывают, и ему не терпелось быстрее узнать как можно больше. Ягуар внимательно посмотрел на собеседника, и тот не выдержал, отвел глаза в сторону, сжавшись под ледяным взглядом.

– Вот что, Малик. Контролировать их – твоя задача, на то ты и командир...

– Да-да, ты прав, извини, – затараторил Юсупов, опасаясь спугнуть удачу.

– Скоро всё действительно закончится. Но напоследок надо поработать. Слушай внимательно. Мне нужно крупное резонансное дело, чтоб все увидели, что никакого мира здесь нет, что повстанцы сильны и продолжают борьбу. Я долго выжидал, и вот время настало. Всё готово: пути отступления, деньги. Это будет твой финальный аккорд. Мы уйдём отсюда вместе через Грузию, дальше переберёмся ко мне на родину, обоснуешься там, потом семью к себе перетащишь. По возвращении за эту операцию мне заплатят солидный куш, и я щедро поделюсь с тобой. Работы для нас полно, весь Ближний Восток пылает. На наёмников всегда есть спрос. А из здешних мест валить надо быстро, силовики на хвост наступают всё сильнее. Решай: да или нет?

– Абу Али, – Малик старался сохранить голову ясной, но от услышанного она слегка закружилась. – Мне ведь деньги потребуются там. Семье жить на что-то надо. Кстати, ты никогда не рассказывал, откуда ты родом.

В душе он был готов пойти на любые условия, но вслух соглашаться не спешил, понимая, что сейчас самый ответственный момент переговоров.

Ягуар, конечно, заметил возбуждённое состояние Юсупова.

– Иордания, слышал про такую страну?

Малик кивнул.

– По поводу денег... Я дам тебе сотку зелени. Для начала вполне неплохо, согласись. Плюс беру тебя в свою команду.

Полевой командир на минуту задумался. Сто тысяч долларов – это хорошо, правда, у него в руках бывали и более крупные суммы. А мечтал он и вовсе о большем. Юсупов планировал в своё время занять место в руководстве независимой республики, получить в свои руки безраздельную власть. И деньги, соответственно.

Теперь же ситуация изменилась. А вместе с ней и мечты. Он понимал, что раз уж придётся бежать из родных мест за границу, то неплохо было бы напоследок срубить достойный куш на каком-нибудь крупном заказе. За границей можно нормально устроиться, имея солид-

ный счёт в банке. Представляя себя в роли респектабельного мужчины, окружённого роскошью, Малик почему-то думал о миллионе долларов. Да, он хотел именно миллион. Вложить в надёжный банк и больше не беспокоиться о будущем. Вроде как уйти на пенсию. Он заслужил.

Но уже давно стало ясно: сейчас найти заказчика с такими деньгами нереально. Раньше надо было копить, а он всё тратил то на снаряжение и оружие, то на продукты для отряда. Теперь уже поздно, федералы переломили ход кампании, денежный поток не просто оскудел, а вообще пересох. Выбора нет. Если Ягуар уйдёт один, что останется делать? Ему, Малику, предлагают спасение, обещают работу, да и деньги, в общем-то, хорошие. Так чего кочевряжиться? Аллах с ним, с миллионом, заработает ещё. Наёмники везде востребованы, это точно. Пенсия откладывается на неопределённое время! Сейчас надо цепляться за любую возможность, чтобы выбраться отсюда. С другой стороны, Малик чувствовал, что нужен Ягуару, хотя пока до конца и не понимал зачем. Продешевить в такой момент было бы непростительной глупостью.

– Может, ещё полтинник набросишь? Я, честно говоря, немного на другую сумму рассчитывал, – он набрался смелости и запустил пробный шар.

Ягуар посмотрел на Юсупова с нескрываемым презрением, но через мгновение улыбнулся, и Малик ничего не заметил.

– А ты бизнесмен! Ладно, что мы как на базаре? Дам сто сорок тысяч, когда будем на месте, и десятку задатка сейчас. Работаем?

– Со мной мои братья, почти пятьдесят человек, как с ними быть?

На самом деле Юсупов понимал, что пятьдесят человек Ягуару не нужны. Отряд придется бросить, хотя при мысли об этом становилось не по себе, но по-другому, видимо, никак. Об этом шаге он неоднократно размышлял, обдумывая своё будущее, когда рассматривал вариант ухода за границу. Совесть его немного грызла, и спросил сейчас Малик специально, чтобы услышав заранее известный ответ, снять с себя ответственность. Хотя бы частично.

Чтоб самому себе сказать: «Я тут ни при чём, всё решили за меня!»

– Не будь ребёнком, – раздражённо пробормотал араб, который без труда догадался о мотивах Юсупова. – Какие братья? Скоро все сдадутся федералам в расчёте на амнистию. Зачем нам предатели, Малик? Аллаху угодно, чтобы они остались здесь. Пусть выполнят задачу, а там уж как получится.

Полевой командир знал, что через пару недель, максимум месяц, отряд перестанет существовать. Люди либо разбегутся, либо их накроют федеральные войска. Война проиграна. Надо уходить за кордон, и Ягуар был его единственной возможностью сделать это. Полученным шансом следовало распорядиться правильно. Другого просто не выпадет. Юсупов услышал то, что хотел, и совесть его успокоилась.

– У тебя есть конкретный план? Что надо делать?

– Наконец-то ты вспомнил о деле, – проворчал Ягуар и приступил к изложению задуманного: – В горах чуть выше твоего родного Октябрьского есть аул, Пачу называется. Ты, конечно, знаешь его.

Малик утвердительно кивнул, и его собеседник продолжил:

– Там обычно один-два взвода десантников сидят, охраняют подход к Октябрьскому сверху. Так вот, мне передали, что десантники из аула ушли. Боевых действий в последние месяцы нет, вот командование их оттуда и убрало. Через неделю в Пачу должен прибыть сводный отряд милиции, который будет там торчать на постоянной основе вместо военных. А пока на месте осталось только местных ментов пять человек. Понимаешь, куда я клоню?

– Не совсем. Не хочешь ли ты сказать, что...

Ягуар не дал договорить Юсупову:

– Значит, так. В аул входите послезавтра на рассвете. Сутки вам, чтобы до него дойти незамеченными. Как я сказал, там пятеро ментов всего, ночуют они во втором доме от верхнего края, найдёте. Быстро их ликвидируете, тем более они на расслабоне сейчас. Берёте Пачу под контроль, занимаете круговую оборону.

– Подожди, подожди, – заволновался Малик, – от Октябрьского до Пачу не больше двадцати минут на машине, через полчаса аул окружат солдаты. Сколько мы продержимся? Час? Два? Это верная смерть!

Абу Али не привык, чтоб ему перечили, но сдержался.

– Не думаю, что кто-то оттуда вырвется. Кроме тебя, никто, скорее всего.

– Что это значит?

– Перед самой заварухой ты уйдешь, пока федералов ещё не будет. Своим скажешь, что на встречу со мной отправляешься для координации дальнейших действий и за деньгами. Ты много раз уходил и всегда возвращался, поэтому и сейчас никаких подозрений не возникнет. Примерно в четырёх-пяти километрах выше Пачу мы будем тебя ждать. С машиной. Там площадка на дороге есть в горах. На ней и встретимся.

Малик про это место знал, бывал там неоднократно. Дорога, уходящая в горы от расположенного на равнине Октябрьского, пронизывала Пачу и поднималась ещё выше к перевалу. Она петляла через лес и в том месте, о котором говорил иностранец, причудливо изгибалась, проходя по самому краю открытого всем ветрам скалистого уступа, названного Ягуаром площадкой. Оттуда очень хорошо просматривались окрестности, в том числе и застрявший в ущелье между гор аул Пачу.

– А как своим объяснить, зачем нужен этот шорох?

– Скажешь, что большой отряд на две тысячи штыков перешёл через границу, сейчас на перевале сосредотачивается, будет Октябрьское снова захватывать. И надо силы федералов отвлечь. Пятьсот штыков в Пачу на помощь придут, а полторы тысячи сразу спустятся на Октябрьское. Так что продержаться-то нужно будет часа два, вот и всё. Из-за границы наступление поддержат, маятник качнётся в обратку. Большая игра начинается, практически третья компания, и начинать её будут они, твои люди. Всем пообещай по десять тысяч долларов. Вот как раз за этими деньгами ты якобы и уйдёшь.

Ягуар замолчал и стал наблюдать за реакцией Малика, который напряжённо переваривал полученную информацию. Абу Али терпеливо ждал.

С одной стороны, проанализировав услышанное, Малик пришёл к выводу, что, в общем-то, организовать операцию, не вызывая подозрений у своих бойцов, вполне реально. Горными тропами они за сутки смогут незаметно добраться до аула, лишь бы не нарваться на какую-нибудь блуждающую группу спецназа. Ну, тут уж как повезёт. Захват Пачу, удержание его до прихода мощного подкрепления, наступление на Октябрьское, а главное, солидные деньги – всё это давало ту перспективу, которую перестали видеть бойцы его отряда в последнее время. Операция даст им надежду, что всё ещё можно изменить и ничего не потеряно. До сегодняшнего дня он никогда не обманывал своих братьев, поэтому ему поверят, полевой командир был в этом убеждён. А если кто-то во время боя примет решение сдаться, его это уже перестанет волновать. Наверняка будут и погибшие, ну что поделаешь, на всё воля Аллаха.

С другой стороны, настораживало, зачем всё-таки Ягуар хочет взять его с собой. Почему тот просто не уйдёт за кордон со своими моджахедами, если есть такая возможность? Неужели, действительно, он, Малик Юсупов, так ценен, что ради его спасения Абу Али будет рисковать? Нет ли тут обмана?

– Хорошо. Думаю, что смогу убедить своих. Люди, загнанные в угол, легко верят в любые сказки. А тут всё придумано вполне правдоподобно, – ответил Малик, прерывая затянувшуюся паузу.

Он не хотел показывать собеседнику, что всё ещё сомневается.

– Расскажи, как мы вырвемся? Я хочу знать детали.

– Я рад, брат, что ты со мной. – Ягуар выглядел довольным.

Он что-то крикнул по-арабски, и к ним приблизился один из сидящих неподалёку сопровождающих с огромным рюкзаком за спиной. Абу Али вытащил из рюкзака наружу тугую пачку долларов и отправил моджахеда обратно.

– Вот десять тысяч, как обещал. Дальше делаем так. На площадке мы будем ждать тебя на микроавтобусе. Как встретимся, поедем к перевалу. Но на самый верх не полезем, там дорога заканчивается.

Юсупов кивнул, засовывая деньги в карман.

– Свернём, по лесным дорожкам сделаем круг и спустимся вниз, оставаясь на безопасном расстоянии от Октябрьского. Затем поедем в сторону границы. По дороге машину придётся бросить, всё равно мы на ней далеко не уедем, кругом блокпосты. Пойдём по лесам пешком. Полностью граница пока не перекрыта. Верный человек нас встретит и переведёт через лазейку на ту сторону.

– Здорово, – снова кивнул Малик и нахмурился.

Абу Али читал собеседника, словно детскую книгу.

Видя, как Юсупов собирается с духом, он сыграл на опережение, слегка обострив ситуацию:

– Я знаю, о чём ты думаешь. Не понимаешь, зачем ты мне понадобился? Думаешь, Ягуар хочет затащить тебя вместе с отрядом в западню, а сам уйдёт? Так?

– Прости, Али. Я очень рад, что нужен тебе, но правда не понимаю. Почему ты с ними, – Юсупов кивнул на сопровождающих, – не уйдёшь без лишнего шума?

– Хорошо, что ты спросил. Правда, хорошо. Я тебе отвечу, а там уж сам решай.

Малик напряг все органы чувств, стараясь ничего не упустить.

– Здесь всё взаимосвязано, брат. Это война и у каждого своё предназначение. Отряд наделает много шума, погибнет, но все неверные ещё раз убедятся, что дух моджахедов не сломить. О погибших узнают через западную прессу во всём мире. Дело, которое мы отстаиваем, будет жить дальше. У нас с тобой другое предназначение. Мы нужны для более важных дел. Чтобы мы могли вершить их в будущем, твои братья должны прикрыть нас собой в настоящем, отвлечь внимание властей на себя. Пока федералы будут заниматься ими, мы сможем уйти далеко отсюда! И ещё. Деньги, которые нам заплатят за громкую операцию. С их помощью ты сможешь обустроиться за границей и продолжишь борьбу с кяфирами. А теперь самое для тебя важное. Посмотри на мою группу. Это великие воины! Я не боюсь плечом к плечу с ними вступить в любой бой. Но они здесь чужие. Не местные. Чтобы дойти до границы, мне необходим проводник!

5

Аул, расположенный в ущелье между двух покрытых густым лесом гор, в этот рассветный час мирно спал. Десяток-полтора домов из неотесанного камня и надворные постройки, прячущиеся за невысокими заборами, громоздились практически друг на друге и повторяли изрезанный природой рельеф местности. Каждый следующий двор нависал над предыдущим, будто пытался заглянуть к соседу в гости. Вдоль дороги сквозь Пачу весело бежала небольшая горная речка, скорее даже ручей, из которого местные жители обычно брали воду.

Понаблюдав за обстановкой с уступа, где позднее должна состояться встреча с Абу Али, и убедившись, что всё тихо, в районе пяти утра Малик дал команду спускаться. Отряд, не поднимая шума, вошёл в аул. Первым делом командир распорядился блокировать дом, в котором ночевали милиционеры.

Это был один из дворов, находящийся в верхней части селения. Куда делись хозяева, никто не знал, да и мало ли что могло произойти с ними? Может, им посчастливилось и они сумели отсюда выехать? Но не исключено, что несчастные просто сгнули в жестоких жерновах войны. Так или иначе, дом остался без хозяев. Поначалу его облюбовали для временного проживания военные, а теперь вот и местные милиционеры. По окрестностям давно сохранялось спокойствие, рядом, в Октябрьском, располагался гарнизон внутренних войск, в непосредственной близости базировались другие воинские части. Кому придет в голову нападать на маленькую деревушку?

Четыре милиционера спали, а пятый бодрствовал и время от времени поглядывал в окно. Когда он очередной раз бросил взгляд на улицу и увидел окружавших дом боевиков, то вначале не поверил своим глазам. Разбуженные им товарищи мгновенно заняли оборону, но было уже слишком поздно, ловушка захлопнулась. Завязалась перестрелка. Пока бой шёл с применением стрелкового оружия, милиционеры ещё держались, но вскоре бандиты всадили в окна несколько зарядов из ручных гранатометов. От грохота разрывов повывлетали стёкла в соседних домах. Минут через двадцать всё закончилось. Боевики для верности бросили в зияющие оконные проёмы несколько ручных гранат и зашли внутрь, где обнаружили тела четырех милиционеров. Пятый ещё дышал, будучи раненым. Его добила выстрелом в голову.

Малик поочередно взгляделся в посмертные маски на лицах убитых.

Не опознав среди них никого из знакомых, он обратился к своему помощнику и неформальному заместителю:

– Салман, быстро расставляй людей по окраинам. Занимайте удобные позиции. Если местные начнут роптать, ты знаешь, что делать. Церемониться не стоит. Они и так тут под боком у властей жируют, предатели, пока мы по горам скитаемся. Никого из аула не выпускать, чем больше будет мирняка, тем сложнее нас отсюда выкурить. Думаю, есть не больше часа, пока федералы появятся здесь.

Малик говорил спокойным уверенным тоном, стараясь не выдать волнение, охватившее его. Наступал очень ответственный момент, от которого зависело многое, если не всё. Предстояло объявить о своём уходе, не разбудив у помощника подозрений.

– Я понял, сейчас приступим, – ответил Салман и поднял с пола короткий автомат АКС-74У, принадлежащий кому-то из убитых.

– Зачем тебе эта «пукалка»? – как можно небрежнее поинтересовался Малик, подбирая слова для главного.

– Ты ж знаешь, я предпочитаю ручной пулемёт. А это для сына. Ему уже десять лет, пора становиться воином. Домой вернусь – подарю.

Салман завернул милицейский автомат в попавшуюся под руку тряпку и хищно ухмыльнулся, сверкнув беззубой улыбкой. К своим двадцати восьми годам он успел потерять часть зубов. Заниматься лечением в текущих условиях было негде.

Малик выдержал паузу, собираясь с духом, и, не глядя на Салмана, как об обыденной вещи сказал:

– Я доверяю тебе, знаю, ты всё сделаешь как надо. Сейчас мне нужно уйти на встречу с Ягуаром, он тут в горах недалеко. Всё идет по плану. Мы обсудим дальнейшие действия, и заодно я заберу у него деньги за захват аула. Вернусь быстро.

Юсупов врал и очень боялся, что помощник не поверит ему.

– Разве вы с ним не всё порешали? – сразу насторожился тот.

– В целом тему перетёрли, да. Понимаешь, хочется как можно быстрее принести сюда наше бабло. Чем раньше мы его получим, тем лучше. А то ведь полмиллиона баксов – сумма нешуточная. Как бы не затерялась!

– У тебя есть основания не доверять Ягуару?

– Нет-нет, что ты. Но, думаю, лучше подстраховаться.

– Может, возьмёшь кого-нибудь с собой, мало ли что? – всё не отставал Салман, будто чувствуя ложь.

– Нет. Ты же в курсе, я всегда общаюсь с Ягуаром один на один. Да и здесь каждый человек на счету.

Малик видел, что его слова звучат неубедительно. Мозг полевого командира лихорадочно соображал, что сказать, как развеять подозрения. Разговор складывался совсем не так, как он планировал. Требовалось усыпить бдительность Салмана. Повисшую в комнате гнетущую тишину нарушали только мухи, жужжащие над трупами милиционеров.

В арсенале Юсупова имелась ещё одна заготовка, которую он сейчас решил пустить в дело:

– Я постараюсь поторопить приход поддержки. Попрошу Ягуара изменить план. Не ждать, пока федералы здесь увязнут, а сразу отправить со мной пятьсот человек.

Фраза далась Малику с большим трудом, рот как будто стал ватным. Он отвернулся, чтобы собеседник не заметил волнения на его лице. Салман молчал.

– Да, вот ещё что. Твоя доля!

Малик достал из кармана и сунул в руки соратнику тугую пачку денег, полученную от Ягуара. Он исчерпал все объяснения, но, понимая, что не добился желаемого эффекта, выложил самый последний козырь, пытаясь как-то отвлечь от нехороших мыслей своего недоверчивого заместителя. Юсупов надеялся, что, увидев довольно крупную сумму, тот успокоится. А деньги? Ничего страшного, Абу Али заплатит куда больше!

Салман взял доллары и опять не проронил ни слова. В душе Юсупова всё вскипело. Уж лучше бы помощник в лицо высказал свои претензии, чем так молчать! В конце концов, кто здесь главный? Хватит оправдываться, он и так позволил себе много лишнего!

– Приступай готовить оборону! – приказал Малик, стараясь жёсткими интонациями побудить заместителя к действию и тем самым закончить крайне неприятный разговор.

Салман посмотрел на командира долгим пристальным взглядом и вышел за порог. Малик облегчённо вздохнул. Давно бы так!

Он бросил короткий взгляд на часы: «Пять сорок две. Пора!»

6

Братья казались воодушевлёнными, они соскучились по настоящему делу. Салман, занимаясь организацией обороны, перебросился парой фраз практически с каждым. Зная о находящемся поблизости подкреплении, все пребывали в каком-то приподнятом настроении. Мысли об обещанных десяти тысячах долларов добавляли людям мотивации. А местные жители, разбуженные перестрелкой и грохотом разрывов гранат, с опаской наблюдали за приготовлениями, но с разговорами не лезли, боялись. Часть людей попряталась по подвалам. Некоторые в страхе убежали в лес от греха подальше. Один раз к Салману подошёл какой-то старик с вопросами о том, что происходит, зачем аул захватили? Но был довольно грубо отправлен восвояси. После этого больше никто не подходил.

Для себя и Малика Салман присмотрел огневую позицию в верхней части аула, как раз во дворе дома, где ночевали милиционеры. Отсюда прекрасно простреливалось всё селение до самой окраины. И хорошо была видна дорога, выныривающая снизу из леса на подступах к Пачу. Открытая долина от лесной кромки до первых домов протянулась примерно на километр, довольно пологий склон покрывали седые мшистые валуны, наваленные Создателем в хаотичном порядке. Дорога извивалась между ними как змея.

Для наблюдения за кромкой леса и контролем дороги метрах в пятистах от аула среди скопления валунов залегли двое дозорных. Их задача – оповестить отряд о приближении к аулу федералов, завязать бой.

«Нижнее направление – самое опасное. Только оттуда, со стороны Октябрьского, сможет подтянуться техника», – прикидывал Салман.

Действительно, выше Пачу дорога через несколько километров становилась непроходимой для транспорта, а в районе перевала и вовсе обрывалась. Атаки сверху с использованием бэтээров или, того хуже, танков оставшийся за командира боевик справедливо не ожидал. Исходя из этого, основные силы он сосредоточил на нижней окраине, отдав им почти все ручные противотанковые гранатомёты, которыми располагал отряд.

На флангах он также разместил солидное количество людей, следивших за густыми лесными склонами справа и слева. Отсюда можно моментально сменить направление огня вниз, вдоль дороги, или вверх, в противоположную сторону.

С позиции, занятой Салманом, все огневые точки были прекрасно видны, и он мог при необходимости легко вносить коррективы в управление боем. За его спиной, в самом крайнем дворе, расположились ещё несколько пулемётчиков, которые должны прикрыть отряд в случае наступления со стороны перевала. Пулемётчики имели возможность развернуть шквальный огонь через его голову в любое место, в том числе и на фланги, и на нижнюю окраину селения.

Салман припал к биноклю и стал изучать местность выше Пачу.

«Да, техника тут не пройдёт, это точно. Уж больно склоны крутые. А вот пехота сможет запросто. Надо братьям сказать, чтоб не зевали и были готовы к отражению возможной атаки сверху».

Тут его внимание привлекла фигура, то появляющаяся, то исчезающая на дороге среди деревьев. Узнав командира, который уже отдалился от аула на довольно значительное расстояние, Салман нахмурился и подумал, что хорошо бы ему ошибиться в своих опасениях по поводу Малика. Через несколько секунд фигура Юсупова совсем исчезла из окуляров, растворившись в лесу. Салман опустил бинокль и несколько секунд молча размышлял, но затем отогнал прочь чёрные мысли и вернулся к текущим делам.

В облюбованном им дворе чуть в стороне от дома громоздился небольшой каменный погреб. Задняя стенка едва выступала над уровнем земли, а передняя высилась метра на полтора. На скошенной по всей длине крыше, покрытой старым шифером, кое-где торчал зелёный

мох. Ради интереса Салман заглянул внутрь и скользнул взглядом по лестнице вниз. Пригнувшись, чтобы не задеть головой притолоку, он осторожно спустился по ступенькам. В полумраке осмотрел помещение, в котором, в силу небольших размеров, можно было сделать всего лишь несколько шагов. Ничего интересного. Кругом навален хлам, домашняя утварь, бытовые мелочи. Салман предположил, что всё, что представляло собой какую-нибудь ценность, наверняка давно уж забрали вояки или менты.

Он решил на время пристроить здесь свою находку, короткий милицейский автомат. Сходя за ним, Салман спрятал коротыш на одной из полок и укрыл сверху для верности куском фанеры.

«Пусть полежит до поры до времени. Придёт время, и я подарю его сыну!» – с мыслями о семье он выбрался наверх.

В течение ещё некоторого времени он проверял и инструктировал людей, а в шесть часов двадцать минут со стороны долины раздались звуки первых выстрелов. Салман припал к окулярам бинокля и лично убедился, что федералы начали окружать аул.

Первыми солдат, которые активно группировались у кромки леса ниже Пачу, заметили дозорные. Часть вэвэшников заняла позиции, а остальные быстро, словно муравьи, расползались по лесным склонам двумя рукавами, огибая селение справа и слева. Дозорные произвели в их сторону несколько очередей из автоматов. Тут же прозвучали ответные выстрелы. По валунам зацокали пули.

Понимая, что спустя какое-то время братья окажутся совершенно беззащитными перед огнём с флангов, Салман по рации дал короткий приказ дозору оттянуться в аул, исключая вариант попадания разведчиков в простреливаемый с трёх сторон мешок. С основных позиций дружно ударили автоматы, и дозорные под их прикрытием благополучно вырвались из долины.

С того времени как он наблюдал в бинокль уходящего в горы Малика, прошло уже двадцать пять минут. Пока всё складывалось неплохо. Федералы не спешили атаковать, и засевшие в ауле посчитали это добрым знаком, так как знали, что скоро придёт помощь и время работает на них.

7

В дежурную часть штаба командования группировки федеральных войск сообщение о нападении на Пачу поступило в тот момент, когда боевики только начали обустривать огневые позиции. Численность террористов была известна довольно приблизительно. По данным разведки никаких крупных бандформирований в округе не наблюдалось, цель захвата маленького аула оставалась непонятной. Противник воспользовался тем, что накануне Пачу покинуло подразделение ВДВ, а запланированная смена в лице сводного отряда милиции задержалась. В штабе не стали заикливаться, почему произошла такая нестыковка и кто снабдил боевиков столь точной информации о ротации войск. Выяснить всё это предстояло позже, а пока в Октябрьское немедленно отправили приказ: силами роты внутренних войск окружить захваченный по соседству аул, в бой не вступать и ожидать подхода подразделений специального назначения. Спецназу же следовало прибыть на место и уничтожить засевших в Пачу террористов. Для поддержки штурмующим выделялось два танка. Прикрытие с воздуха планировалось осуществлять парой вертолётов.

Без пятнадцати шесть, когда Салман ещё не спрятал найденный автомат в погребе, а Малик уже начал свой путь по горной дороге, солдаты внутренних войск грузились на машины. Через тридцать минут рота прибыла на место и приступила к рассредоточению в лесном массиве ниже аула, обходя его кольцом, чтобы отсечь тех, кто захватил Пачу, от ниточки, ведущей в горы.

Боевики, заметив военных, открыли беспокоящий огонь из автоматов. Солдаты вяло отвечали, не ввязываясь в серьёзный бой, выполняя поставленную задачу. Кольцо замкнулось в семь часов утра на лесной дороге в пятистах метрах от верхней окраины.

Юсупов уже давно миновал это место и сейчас приближался, обливаясь потом, к намеченной точке. Но здесь его ждало разочарование. На уступе никого не было. Пусто.

В первую секунду Малик впал в оцепенение, холодный страх охватил его внутренности. Он рухнул на землю от усталости, стремительный подъём по горной дороге дался непросто, пульс зашкаливал. Малик отдышался и постарался взять себя в руки.

«Где Ягуар со своей группой? – задал он вопрос себе самому. – Неужели они попались федералам?»

Юсупов достал фляжку с водой, жадно припал губами к горлышку и сделал несколько глотков. Понемногу приходя в себя, он слегка успокоился.

«Нет, моджахеды просто так бы не сдались, а перестрелки сверху я не слышал, пока шёл. Следов боя нигде не видно, это обнадеживает. Скорее всего, они просто задерживаются и скоро приедут. Время есть, надо немного подождать, и всё будет нормально. Сейчас я в относительной безопасности, солдатам внизу не до меня».

Малик перебрался к самому краю скалы и прилёг между камней, положив рядом свой автомат. Он посмотрел вниз и стал наблюдать за разворачивающимися вокруг Пачу событиями. Но мысли всё время крутились вокруг одного: где же всё-таки Ягуар? Полевой командир переводил взгляд вверх, к перевалу, словно обращаясь к вершинам с немым вопросом. Поверить в то, что Абу Али не приедет, Юсупов не мог. Чем больше проходило времени, тем тревожней становилось на душе полевого командира. Он продолжал ждать и надеяться. Ничего другого не оставалось...

Рота внутренних войск достаточно быстро рассредоточилась вокруг селения и согласно приказу к штурму не приступала. Ждали спецназ. Во время отступления бандитского дозора удалось выявить несколько огневых точек, прикрывавших отход. Солдаты, занявшие позиции у кромки леса, обменивались автоматными очередями через долину с засевшими на нижней окраине селения боевиками. На флангах и сверху сохранялась тишина.

В половине восьмого со стороны перевала прямо над крышами со страшным грохотом пронеслась пара вертолётов МИ-24, называемых «крокодилами» за характерный вытянутый силуэт. Разрывая воздух лопастями, они, наклонив носы, на скорости под триста километров в час сымитировали заход на атаку, непрерывно отстреливая по бокам тепловые ловушки. С земли по «крокодилам» никто огня не открывал. Переносных зенитно-ракетных комплексов у юсуповцев давно не имелось, а стрелять из пулемётов и автоматов боевики не решились. Шансы сбить бронированный вертолёт огнём стрелкового оружия невелики, зато себя обнаружишь сразу. Можно, конечно, попытаться достать вертушку с помощью гранатомётов, но двадцатьчвёртки настолько стремительно пронеслись над аулом, проводя воздушную разведку, что никто просто не успел ничего предпринять.

К восьми часам на грузовых «Уралах» к границе лесной кромки прибыло подразделение спецназа, полчаса назад доставленное в Октябрьское транспортными вертолётами. Бойцы готовились, оставаясь незаметными для противника. Вскоре к ним, урча моторами, подтянулись два танка.

Командование выработало план по освобождению Пачу, и все задействованные силы немедленно приступили к его реализации. Суть плана заключалась в следующем: часть спецназовцев при поддержке танков должна была атаковать со стороны Октябрьского, стараясь втянуть в бой всех засевших в ауле боевиков. Второй группе, штурмовой, следовало скрытно обойти Пачу по лесам, как это проделали некоторое время назад солдаты внутренних войск, и ворваться в селение сверху, когда практически все бандиты будут заняты отражением атаки первой группы. Роте, окружившей аул, предписывалось оставаться на своих местах и держать ухо востро, чтобы не допустить возможного прорыва боевиков из кольца.

Примерно в половине девятого штурмовая группа заняла позиции в лесу у верхней окраины аула. А те, кому предстояло наступать снизу, выдвинулись в долину. Бойцы рассыпью залегли, прячась за камнями и прикрываясь складками местности. Боевики немедленно открыли по ним огонь, но никакого вреда не нанесли; противников разделяла примерно тысяча метров.

Из-за деревьев, словно огромный жук, выполз танк Т-72 и замер на месте, выбирая цель. Поводив башней, он изрыгнул из себя огненный шар в направлении позиций противника. Округа содрогнулась от мощного выстрела. Через несколько мгновений пущенный танком снаряд разорвался, превратив в пыль каменный забор, за которым прятался один из недавно стрелявших террористов. На месте разрыва образовалась солидная воронка, вверх поднялся густой столб дыма и пыли с какими-то обломками. Бандиты на время попритихли, этим тут же воспользовались спецназовцы. Прикрывая друг друга, они продвинулись на несколько десятков метров и снова залегли. Танк опять поводит башней и выстрелил второй раз, уничтожая ещё одну выявленную огневую точку.

Из леса показался второй Т-72, толкающий впереди себя минный трал. Обойдя своего собрата, он потихоньку пополз по петляющей дороге вверх к аулу, оставаясь позади цепочки укрывшихся за валунами бойцов. Время от времени танк останавливался и так же, как и первый, методично долбил из своей пушки, сея панику среди захвативших аул боевиков. Непрерывно обстреливая противника из стрелкового оружия, спецназовцы шаг за шагом приближались к Пачу.

Салман со своей позиции следил за маневрами танков, и его трясло от бессильной ярости. Противопоставить огню их пушек он ничего не мог. Боевые машины оставались достаточно далеко для того, чтобы подставиться под огонь имеющихся в отряде нескольких десятков гранатомётов. Танки издалека безнаказанно ровняли с землёй огневые точки отряда. Ситуация ухудшалась с каждой минутой. Число раненых и убитых росло. Аул находился в их руках уже около четырёх часов. Самое время для прихода обещанной помощи. Где пятьсот штыков? Сколько ещё они смогут продержаться? Неужели ему не показалось и Малик действительно

всех их предал? Просто заманил отряд в западню, а сам элементарно сбежал вместе с Ягуаром, прикрываясь поднявшимся шумом?

Судя по тому, что пролетевшие вертолёты огня не открывали, Салман понял, что силовики берегут жизни мирных жителей, иначе бы авиация разнесла Пачу в пух и прах. В теории федералы могли и самоходки подтянуть, пушки которых мощнее танковых, и реактивную артиллерию подключить. Отсутствие этих сверхмощных средств давало надежду продержаться еще какое-то время. Танки не станут подходить слишком близко из-за опасности поражения гранатомётами. Сейчас главное – отсекал пехоту, которой до первых домиков оставалось преодолеть метров четыреста.

Начавший нервничать Салман отдал приказ: открыть огонь из всех имеющихся стволов и не позволять наступающим подбираться ближе! Отовсюду, в том числе и сверху, дружно застучали автоматы и пулемёты, вынудив бойцов спецподразделения укрыться среди валунов и прижаться к земле. В какой-то момент Салман оторвался от своего РПК и обратил внимание, что танкисты не стали переносить огонь вглубь аула по вновь обнаруженным целям. Он связал полученную информацию всё с тем же намерением федералов не разрушать селение. Но дело было не только в этом.

Когда все боевики отвлеклись на обстрел атакующих, из леса на верхнюю окраину Пачу ворвалась штурмовая группа, застав врасплох развёрнутые в долину пулемёты. Танкисты опасались задеть своих, поэтому работали исключительно по передовым позициям противника. Спецназовцы, молниеносно подавив сопротивление вверху, лавиной растекались по флангам, уничтожая не ожидавших такого стремительного наступления террористов.

За спиной Салмана вдруг что-то оглушительно ухнуло, воздух сотрясся от близкого разрыва. Он обернулся, пытаясь разобраться, что произошло, и тут же ему под ноги упала ручная граната. Не медля ни доли секунды, Салман шарахнулся куда-то вбок и в невероятном прыжке успел укрыться за лицевой стенкой погребца, в который спускался совсем недавно.

Сразу после взрыва во дворе появились двое из штурмовой группы. Прекрасно зная, где прячется боевик, они по очереди обстреливали постройку с обеих сторон и приближались всё ближе, не позволяя тому высунуться.

Положение Салмана становилось безвыходным. Он лежал на пыльной земле в обнимку с пулемётом, упираясь лбом в деревянную дверку, и не имел возможности контролировать ситуацию ни справа, ни слева. Стало ясно, что спецназовцы захотели взять его живым, иначе бы они давно перебросили через крышу несколько гранат. Плен? Только не это! Ещё несколько секунд – и его достанут! В отчаянье Салман вскочил на ноги, рывком рванул ручку двери погребца и кубарем скатился по ступенькам вниз, волоча за ремень свой любимый РПК.

– Выходи с поднятыми руками! – через несколько секунд услышал он чей-то властный голос.

Страшно ругаясь, боевик выпустил длинную очередь в сторону дверного проёма. В ответ одна за другой прилетели две гранаты Ф-1, не оставляя ему на спасение ни одного шанса.

Пользуясь тем, что огонь с флангов и сверху прекратился, атакующие из долины в течение считанных минут достигли передовых позиций террористов, откуда после обработки танковыми пушками уже давно никто не стрелял. Локальные столкновения продолжались ещё несколько часов. Основное сопротивление было сломлено, и теперь спецназовцы приступили к методичному «выкуриванию» бандитов из их нор.

К селению приполз танк с минным тралом. Дорога оказалась свободной, и вслед за ним подтянулась пара БТР. Последними прибыли несколько армейских «Уралов». Бэтээры въехали внутрь аула и подключились к ликвидации оставшихся очагов сопротивления. Из грузовика спешил сапёрный взвод, который тут же начал проверять освобождённые дома и местность на наличие мин. Кроме того, сапёры с помощью миноискателей осматривали все тела убитых

бандитов, чтобы избежать неприятных сюрпризов в виде подложенной в складки одежды ручной гранаты со снятой чекой. Отдельно собиралось найденное оружие.

В районе трёх часов дня активная фаза операции благополучно завершилась. В плен сдались двенадцать боевиков. И своим, и чужим раненым медики тут же оказывали первую помощь. Финальной зачисткой Пачу занялась рота внутренних войск, спустившаяся в селение со своих позиций. А спецназовцы погрузились на «Уралы» и, забрав пленных, раненых и убитых, а также трофейное вооружение, колонной отправились обратно в Октябрьское. Там их уже ждали транспортные вертолёты. Колонна, разгрузившись, через полтора часа вернулась в Пачу, чтобы вторым рейсом забрать из аула сапёров и солдат внутренних войск, окончивших к тому времени свою миссию. С момента захвата боевиками Юсупова Пачу прошло двенадцать часов.

8

Виктор ёрзал с боку на бок и безрезультатно пытался хоть ненадолго заснуть. Мысли, чередуясь друг с другом, вертелись по бесконечному кругу. В сознании ясно возникали события последнего года, лица погибших ребят. Стараясь переключиться, он пытался думать о далёком доме, о матери. Представлял, как вернётся в свой город, как встретится с друзьями и расскажет им о том, чего они никогда не узнали бы из газет или по телевизору. Наверное, пора уже задуматься и о дембельском альбоме, чтобы сохранить как можно больше воспоминаний о службе. Кое-какие фотографии, сделанные стареньким «Поляроидом», у него имелись, теперь нужно где-то раздобыть необходимые материалы и всё красиво оформить.

Помимо альбома он мечтал привезти домой в качестве сувенира какой-нибудь трофей, память о войне, в которой ему довелось участвовать. Может быть, нож, фирменную зажигалку или что-нибудь подобное. Задумывался и об огнестрельном оружии. Правда, с этим могли возникнуть серьёзные проблемы. Если б и удалось заполучить, например, пистолет, то вставал вопрос, как вывезти ствол из зоны боевых действий. Всех бойцов при уходе на дембель тщательно обыскивали. Пацаны в роте об этом знали и поэтому брать оружие опасались. А нож – другое дело. При досмотре всегда можно сказать, что это, мол, мой собственный. К тому же вряд ли кто-нибудь обратит внимание на нож в солдатском рюкзаке, это ж всё-таки не граната.

В любом случае достойных трофеев до сегодняшнего дня ему не встречалось, безделушки одни. А вот нынче попало кое-что интересное. И в ближайшее время следовало определиться, что всё-таки делать с находкой.

Колобов помнил до мельчайших подробностей, как обнаружил её. Во время проведения зачистки в горном ауле они, работая в паре с Андрюхой Зуевым, уже заканчивали осматривать отведённую им территорию, когда оказались возле постройки, напоминающей с виду погреб для хранения съестных припасов или чего-то в этом роде. Из приоткрытой перекошенной двери курился сизый дымок, на каменных стенах повсюду виднелись следы от пуль и осколков. Вокруг набросаны стреляные гильзы. Не составило труда догадаться, что здесь располагалась одна из ключевых позиций боевиков.

– Надо бы посмотреть, – кивнул он тогда Андрюхе в сторону подвала.

Зуев со всей своей основательностью предложил сначала бросить внутрь гранату, а уж потом лезть. Но Колобов предложение отверг, опасаясь, что внизу могут прятаться хозяева.

Напарник гнул свою линию:

– А вдруг там скрываются недобитые духи? Тебе чего, жить надоело?

Приказ начальства заключался в том, чтобы заглянуть в каждый дом, в каждый сарай. Просто пройти мимо они не имели права. Ослушаться приказа – значит проявить трусость, а этого допустить Виктор не мог. Как потом объясняться с ребятами, что про него скажут? С другой стороны, он прекрасно понимал мотивы, которыми руководствовался Андрей. Напарником двигала обычная практичность. Зачем подставлять свою голову, если можно сначала бросить гранату?

Наверное, это было бы правильней с точки зрения безопасности. Но очень уж не хотелось Виктору проливать лишнюю кровь. По ночам и так бессонница замучила, всякая хрень в голову лезла, нервы в последнее время совсем расшатались. Прежде чем принять окончательное решение, он ещё раз окинул взглядом раздолбанную входную дверь, всю в дырках от пуль и осколков.

– Если кто и прятался в этом курятнике, то вряд ли ему удалось выжить после того, что тут случилось. Тем более дымит изнутри всё сильнее. Внизу совсем не продохнуть, наверное. Останься кто живой, давно уж наружу бы выскочил!

Зуев пожал плечами и промолчал. Виктор понял, что не убедил Андрюху и тот соглашается лишь потому, что Колобов в их паре является старшим по званию. Ну, нет так нет!

– Всё! Работаю! Смотри внимательно!

Сказать в данной ситуации оказалось гораздо проще, чем сделать. Может, и прав был Андрюха. Даже сейчас, ворочаясь на своей железной койке в здании бывшей школы, сержант внутренне сжался. Он отчётливо ощутил, как от напряжения на лбу вздулись вены, словно жизнь пошла вспять. Колобов будто кино смотрел про них с Зуевым. Правдоподобное такое кино и от этого страшное. Чёрно-белое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.